

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**ВОЙНА И ВОЕННОЕ ДЕЛО
В СКИФО-САРМАТСКОМ МИРЕ**

Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелюковой
(с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2014

УДК 903.5:903'15 (4/5)
В65

Ответственный редактор
д.и.н. С.И. Лукьяшко

В65 **Война и военное дело в скифо-сарматском мире:** материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. д.и.н. С.И. Лукьяшко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 455 с. – ISBN 978-5-4358-0087-6.

Сборник составили материалы Международной конференции «Война и военное дело в скифо-сарматском мире», посвящённой памяти А.И. Мелюковой, прошедшей на базе Южного научного центра РАН в г. Ростове-на-Дону и с. Кагальник 26–29 апреля 2014 г. Темой конференции стали проблемы изучения древней военной истории обитателей Северного Причерноморья, задачи определения функционального назначения и тактико-технических характеристик оружия, а также технических приемов, представляющих разные способы художественного оформления предметов вооружения широкого хронологического диапазона – от раннескифского времени до эпохи Великого переселения народов. Публикуемые работы написаны ведущими специалистами в области скифо-сарматской археологии России, Украины, Молдовы и Казахстана.

Издание предназначено археологам, антропологам, преподавателям и студентам вузов, а также тем, кто интересуется древней историей.

УДК 903.5:903'15 (4/5)

ISBN 978-5-4358-0087-6

© ЮНЦ РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеев А.Ю.</i> Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии.....	5
<i>Бабенко Л.И.</i> Колчанные наборы Протопоповского курганного могильника: состав и хронология.....	11
<i>Байгушева В.С., Благуш А.А.</i> Лошадь <i>Equus caballus</i> L. из кухонных накоплений Елизаветовского городища Нижнего Дона (раскопки 1969 – 1979 гг.).....	28
<i>Балахванцев А.С.</i> Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры.....	39
<i>Безуглов С.И., Глебов В.П.</i> Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Сухо-Дюдеревский II.....	49
<i>Воронятов С.В.</i> О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана.....	57
<i>Ворошилов А.Н.</i> Технологические признаки в классификации скифских акинаков	73
<i>Гуляев В.И.</i> К вопросу о наличии панцирной конницы у среднедонского населения в скифское время.....	79
<i>Дедюлькин А.В.</i> «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи.....	89
<i>Зайцев Ю.П.</i> Фортификация крепости Ак-Кая/Вишенное в центральном Крыму.....	98
<i>Засецкая И.П.</i> Стилистические особенности декора трех кинжалов сарматской эпохи I в. до н. э. – II в. н.э.....	101
<i>Ильюков Л.С.</i> Костяные палочки-застёжки скифского времени с территории Нижнего Дона.....	119
<i>Канторович А.Р.</i> Восточноевропейский скифский звериный стиль и предметы скифского вооружения.....	130
<i>Ковалевская В.Б., Морозова И.Ю., Рычков С.Ю.</i> Передвижения ранних скифов на основании картографирования акинаков VII – V вв. до н.э. и использования генетических данных.....	141
<i>Копылов В.П., Коваленко А.Н.</i> Предметы вооружения из материалов Большой греческой колонии на месте Елизаветовского городища в дельте Дона.....	162
<i>Копылов В.П., Русаков М.Ю.</i> О верхней хронологической границе колчанных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени.....	172
<i>Красноперов А.А.</i> Предкавказье и Прикамье: контекст изменения функций предмета в средне- и позднесарматское время.....	183
<i>Кривошей А.П.</i> Скифские погребальные комплексы юга Украины как источник реконструкции женской повседневности военной эпохи: историографический дискурс	

конца XX – начала XXI века.....	205
<i>Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.</i> О типе железного меча из кургана у станицы Новотитаровской.....	217
<i>Лихачева О.С.</i> Элементы скифской традиции в комплексе вооружения населения Лесостепного Алтая в VI–III вв. до н.э.....	223
<i>Лукьяшко С.И.</i> Мечи и кинжалы скифского времени Нижнего Дона.....	237
<i>Минасян Р.С.</i> Инкрустация и лакирование.....	257
<i>Очир-Горяева М.А.</i> Колчанные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.....	265
<i>Подушкин А.Н.</i> О назначении предметов дистанционного оружия из катакомб Южного Казахстана.....	282
<i>Полидович Ю.Б.</i> Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени.....	310
<i>Полин С.В., Колтухов С.Г.</i> Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму	310
<i>Симоненко А.В.</i> Периодизация военного дела кочевников Евразии в эпоху раннего железа.....	329
<i>Синика В.С., Тельнов Н.П.</i> Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV – II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье.....	345
<i>Скрипкин А.С.</i> Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнополитической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона...	367
<i>Топал Д.А.</i> Акинаки классической Скифии: тип Солоха.....	380
<i>Шевченко Е.Б.</i> «Амазонки» Южного Приуралья в савроматское время: миф или реальность (историографический обзор).....	407
<i>Яблонский Л.Т.</i> Система вооружения элитного воина IV в. до н.э. на востоке скифской ойкумены (древнейшие катафрактерии Евразии?).....	417
<i>Янгулов С.Ю.</i> Предметы защитного доспеха из погребений Елизаветовского могильника.....	434

Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени

Ножны, как специальный футляр, защищающий тело от острого клинка ножа или кинжала, появляются давно. На территории Северного Причерноморья, археологически они зафиксированы как минимум для начала эпохи поздней бронзы. Примером этого может служить находка деревянных ножен для боевого (?) ножа в погр. 14 кург. 1 у с. Николаевка Донецкой области [Полидович, 1993. С. 53. Рис. 30, 1]. Элементы ножен кинжалов найдены в предскифских комплексах. Они фиксируются по незначительным фрагментам, оставшимся от деревянных ножен, обтянутых кожей (Тереножкин, 1976. С. 123). В редких случаях были обнаружены металлические части ножен, в основном, обоймы и наконечники. Это находки в погр. 2 кург. Высокая Могила (степное Поднепровье), кургане у с. Белоградц (Болгария), а также на Субботовском городище и находок у с. Гулы в Среднем Поднепровье, в Татарском Бунашеве (Волго-Камский регион), Лейбнице (Австрия), кургане в с. Якабхеги (Паннония), погребениях ранней кобанской культуры Кавказа [Тереножкин, 1976. С. 28-30, 35, 123-126. Рис. 5; 9; 32; 37, 5; 49-50; 71, 4; 74, 3]. Многие из них имеют характерный для того времени геометрический орнамент, в том числе отражающий солярную символику.

В скифское время, вероятно, все кинжалы и мечи носились в ножнах. Преимущественно это были деревянные ножны, обтянутые кожей (редко – материей), об остатках которых при археологических исследованиях сообщают многие исследователи [например: Мелюкова, 1964. С. 60-61; Техов, 1980. С. 59; Хазанов, 1971. С. 12; Литвинский, 1972. С. 119; Кубарев, 1981. С. 44-52. Рис. 3-9; Чугунов, 1996. Рис. 3, 4; Савченко, 2004. С. 163; Пшеничнюк, 2012. С. 69; др.]. Иногда такие ножны покрывали красной краской, полностью или полосами, что было характерно, прежде всего, для восточных регионов скифского мира [Хазанов, 1971. С. 12; Кубарев, 1981. С. 44, 50]. И только в относительно немногих случаях известны находки металлических обкладок, пластин или наконечников, а также резных костяных наконечников, которые украшали ножны, повышая их

функциональную, социальную и культовую значимость. Именно эти находки, в силу их большей сохранности, позволяют говорить о видоизменении формы и декора ножен, делать предположения об их символике и культовой роли.

Самыми ранними из скифских являются золотые двусторонние обкладки ножен из Мельгуновского и Келермесского № 1/Ш курганов [Придик, 1911. С. 7-8. Табл. I; III, 1; IV, 1; Черненко, 1980; Галанина, 1997. С. 222-223. Табл. 7-9; Кисель, 2003. С. 123, 124; Алексеев, 2012. С. 80-87, 116-119] (рис. 1, 1-2). Они имеют общую структуру и близкий декор, отличающиеся лишь некоторыми деталями. Что касается структуры, данные ножны демонстрируют появление скифской или даже шире – общеиранской традиции, согласно которой эти изделия состоят из двух частей: собственно ножен и бокового выступа-лопасти, выполнявшей роль крепления ножен к поясу [Мелюкова, 1964. С. 63; Галанина, 1989; Галанина, 1997. С. 94. Рис. 25]. Основная часть раннескифских ножен, в свою очередь, состоит из 3-х четко выраженных частей. Из них верхняя (устье) соответствует перекрестию меча, почти полностью повторяя его форму и декор (хотя, по мнению Е.В. Черненко, перекрестье меча не входило полностью в устье [Черненко, 1980. С. 30; иная точка зрения: Мелюкова, 1964. С. 62], средняя – клинку, а нижняя (наконечник или бутероль), имеющая расширенную полуовальную форму – острию клинка.

Декор мельгуновских и келермесских мечей и ножен стилистически очень эклектичен, здесь присутствуют как собственно скифские образы и элементы, так и урартские [Пиотровский, 1954. С. 151-158; Пиотровский, 1959. С. 248-253], но они подчинены общей семантической идее, полностью понятнойномадам-скифам, – обозначении (прокламации) меча как символа, аналога «мирового древа». На это, прежде всего, напрямую указывает изображение «древа» в средней части перекрестия меча и устья ножен, по обе стороны от которого находятся крылатые антропоморфные персонажи (на перекрестии мельгуновского меча в данной позиции изображены горные козлы с подогнутыми ногами и повернутой назад головой – [Придик, 1911. Рис. 1-2] (рис. 1, 2). С символикой «мирового древа» соотносятся также изображения геральдически расположенных львов на бутероли. Согласно зоологическому коду, козлы по разные стороны «древа», присутствующие на перекрестии мельгуновского меча, соответствуют средней зоне мироздания, а хищники-львы – нижней [Вязьмитина, 1963. С. 163-164; Раевский, 1985. С. 114-122]. Близкая по форме и сюжету изображения бутероль происходит также из комплекса Зивие в Северо-Западном Иране [Ghirshman, 1950. Fig. 7; Пиотровский, 1962.

Рис. 45] (рис. 1, 3).

Форма раннескифских ножен, которые повторяют и даже подчеркивают форму меча, дополняя его важной деталью – массивным наконечником полуовальной (подтреугольной) формы, находит продолжение в иранской традиции ахеменидского времени, на что обращали внимание многие исследователи [Мелюкова, 1964. С. 61; Шкурко, 1969. С. 35; Черненко, 1980. С. 29; Галанина, 1989. С. 259, Рис. 3; Галанина, 1997. С. 94-96]. Высказывалось даже предположение, что данная форма ножен и соответствующего им меча с бабочковидным перекрестием были заимствованы из Иранского Востока [Мелюкова, 1964. С. 61; Шкурко, 1969. С. 35; Техов, 1980. С. 59]. А Р. Барнет называет мельгуновский и келермесский мечи мидийскими [Barnett, 1962. P. 91-93]. Однако Е.В. Черненко справедливо указал, что эти мечи и их ножны хронологически гораздо старше известных ахеменидских изделий и, к тому же, имеют больше отличий, чем сходства [Черненко, 1980. С. 28-30]. В этой связи также стоит упомянуть архаичный меч из кург. 16 мог-ка Нартан на Северном Кавказе, найденный вместе с остатками ножен, от которых сохранился наконечник, обложенный золотым листом [Батчаев, 1985. С. 36. Рис. 41, 2; Галанина, 1997. С. 94]. По всей видимости, речь идет об общей изначальной традиции, появившейся в период тесных контактов кочевников юга Восточной Европы с иранцами (мидийцами и персами) Передней Азии [см.: Шкурко, 1969. С. 35; Галанина, 1997. С. 96, 98]. Что же касается ахеменидских изделий указанного типа, то наиболее ярким из них является, прежде всего, кинжал в ножнах, изображенный на рельефе в сокровищнице ападаны Персеполя [Schmidt, 1953. Pl. 120-121; Godard, 1962. P.l. 46; Галанина, 1997. Рис. 26]. Ножны здесь имеют подобные раннескифским изделиям структуру и декор. На устье изображены противопоставленные грифоны, в средней части – своеобразная вереница горных козлов, а вот на бутероли – свернувшийся хищник. Последний мотив также присутствует на серии бутеролей ахеменидского времени, но с той оговоркой, что сам мотив свернувшегося хищника постепенно трансформируется, замещаясь в отдельных случаях сценой терзания, иным животным или декоративными элементами [Переводчикова, 1983; Литвинский, Пичикян, 1983. С. 90, 100-104] (рис. 1, 10, 13). Серия аналогичных подтреугольных бутеролей с изображением свернувшегося хищника, но более раннего времени – преимущественно второй половины VII в. до н.э., происходит из Кавказского региона (городище Кармир-Блур, кург. у х. Степной возле г. Гудермес, погр. 164, 216, 258, 378 Тлийского мог-ка, мог-к Фаскау, у с. Рук, кург. 21 у с. Нартан – Пиотровский,

1970. Фото 96; Виноградов, 1974. Рис. 2; Техов, 1980. Рис. 23, 1-2, 4-5; Техов, 2002. Табл. 54, 4; Батчаев, 1985. Табл. 51, 20; Мошинский, 2006. Рис. 8, 2-3; Погребова, 1984. С. 65, 95-96) (рис. 1, 4-7, 11, 14, 16) и лесостепного Поднепровья (кург. у с. Дарьевка, кург. 453 у с. Макеевка – Мелюкова, 1964. С. 62. Табл. 19, 2; Галанина, 1977. Табл. 7, 7] (рис. 1, 8, 9). В одном случае (курган Старшая Могила в лесостепном Приднепровье) подобная бутероль имеет форму вытянутого треугольника, тем самым повторяя остроконечную форму клинка [Іллінська, 1951. Табл. III, 7] (рис. 1, 12).

В скифологии исследователи много внимания уделяли общей культовой роли меча, в том числе отмечали и соотнесение его в ритуале и мифе с образом «мирового дерева», что, в частности, подчеркивалось в его декоре [Артамонов, 1961. С. 77-78; Алексеев, 1980; Алексеев, 1991. С. 276-280; Алексеев, 2011; Бессонова, 1983. С. 45-50; Бессонова, 1984; Шауб, 2007. С. 133-139]. Однако символика меча в скифской традиции могла иметь и еще одно значение. Д.А. Мачинский предположил, что меч-акинак «и по оформлению ножен, и по способу ношения ассоциировался в сознании скифов с мотивом фаллоса» [Мачинский, 1978. С. 148]. А.Ю. Алексеев высказал возможность соотнесения с фаллосом скифских мечей, прежде всего, определенных типов – с почковидным (восьмерко- и сердцевидным) перекрестием, имеющих характерную морфологию. Данное предположение основывается на соответствии контура меча схеме изображения фаллоса на изваяниях. Косвенными свидетельствами могут служить воспроизведение мечей и фаллосов на изваяниях рядом, а также возможная связь с плодородием самого скифского Ареса, кумиром которого и являлся меч [Алексеев, 1980. С. 39-40; Алексеев, 1991, С. 277-278]. Дополнительные аргументы связи фаллоса и меча в символике скифских изваяний привел Д.С. Раевский [Раевский, 1983. С. 55].

Данная точка зрения на символику скифского меча была критически проанализирована А.В. Шелеханем. Автор, прежде всего, выступил против возможности «считать фаллос прототипом формы скифского меча» и на основании этого делать какие-либо типологические построения [Шелехань, 2013. С. 51]. В то же время, А.В. Шелехань признает, что «графическое изображение некоторых кинжалов действительно похоже на фаллос» [Шелехань, 2013. С. 51], т.е. фактически принимает изначальный посыл в семантических построениях А.Ю. Алексеева. На наш взгляд, этот момент действительно является определяющим. Действительно, вряд ли возможно говорить, что некий мифологический образ или символ стали

отправной точкой в появлении и эволюции скифского клинкового оружия. Скорее всего, военная, технологическая и ритуально-мифологическая составляющие этого процесса развивались параллельно, постоянно дополняя друг друга. И если первые две из них можно изучить относительно детально по имеющимся археологическим данным, то третью составляющую можно, лишь гипотетически реконструировать по совокупности косвенных данных. Существующие типологии скифского клинкового оружия, на наш взгляд, говорят о том, что всё многообразие типов перекрестий по А.И. Мелюковой – 11 [Мелюкова, 1964. С. 47-60], как главного выразительного элемента этих изделий, развивалось в пределах единой парадигмы. Типологическая схема А.Ю. Алексеева [Алексеев, 1991. С. 271-274. Рис. 38-40] – один из вероятных вариантов ее выражения. И то, что некоторые из типов как символы имеют визуальное сходство с изображением-символом фаллоса, позволяет использовать их как ключ для объяснения всей парадигмы. Напомним, что знак лишь в отдельных ситуациях является точным визуальным воспроизведением своего прототипа (иконический знак). Чаще всего, эта связь не прямая и опосредованная, устанавливаемая, как правило, конвенционально (знаки-индексы и знаки-символы) [Степанов, 1971. С. 85 и след.; Лотман, 1970. С. 13 след.; Пирс, 2009]. Тем более, что в данном случае (если мы принимаем гипотезу А.Ю. Алексеева) скифский меч (кинжал) является не воспроизведением фаллоса как анатомического органа, а зримым воплощением некоей идеи (атрибута или образа), имеющей фаллическую природу. И то, что в какой-то ситуации (в случае с изображениями на изваяниях) это зримое воплощение приобретает бесспорное подобие, по нашему мнению, является подтверждением верности исследовательской гипотезы.

Еще одним косвенным аргументом в пользу мнения А.Ю. Алексеева и Д.С. Раевского может служить то, что меч и изваяние были семантически равнозначными кумирами в скифской культовой практике, играя одинаковую роль (увенчивание пирамидального или кургановидного святилища), выполняя общую функцию (моделирующая, символ «мирового древа» и мировой оси и т.п.) и, вероятно, являясь предметным выражением одного и того же мифологического персонажа [см., например: Мелюкова, 1952. С. 128]. В тоже время, фаллическая символика скифских изваяний, выраженная как в общей форме, так и в изображенных атрибутах достаточно очевидна [Раевский, 1983. С. 53-55]. Также дополнительным аргументом может служить тот факт, что многие виды вооружения имели фаллическую и шире – мужскую сексуальную, символику, также являясь, при

этом, атрибутами бога войны и грозы, того же скифского Ареса [Бессонова, 1984]. В первую очередь это касается копий. И в связи с этим показательной является находка наконечника копья в погребении сарматского времени (погр. 8 кург. 1 могила Незлобненский-5 на Ставрополье), который лежал на лобковых костях погребенного, вероятно, имитируя тем самым фаллос [Березин, 2012. С. 51-52. Рис. 6; 10]. Вероятно, не случайно по сегодняшний день именно меч и копье являются эвфемизмами названия мужского полового органа [Ставицкая, 2008].

Таким образом, принимая и поддерживая мнение по поводу фаллической символики скифского клинкового оружия, отметим, что раннескифские ножны, подчеркивающие и дополняющие структуру меча, также соответствовали этой символике [см. также: Мачинский, 1978. С. 148]. Описанные ножны с полуовальной (подтреугольной) бутеролью келермесского и ахеменидского (т.е. фактически общеиранского) типа еще более усиливают визуальное соотношение меча и фаллоса. А.И. Мелюкова [1964. С. 61, 63] предполагала, что расширение на конце ножен служило для привязывания ножен к ноге. Но если это справедливо для персов (данный способ ношения зафиксирован в изобразительных материалах), то вряд ли применимо к скифам. Скорее всего, расширенный наконечник имел именно символическое, а не функциональное значение. Характерно, что подобная форма ножен, известная как по археологическим находкам, так и по изображениям на стелах, в той или иной степени бытовала весь скифский период [Мелюкова, 1964. С. 63] и продолжала существовать в сарматское время [Ginters, 1928. Taf. 23, a-b].

Также фаллической символике вполне соответствует воспроизведение на бутероли изображения свернувшегося хищника (рис. 1, 4-12, 14, 16), в большинстве случаев являвшегося, вероятно, единственным или главным (в силу акцентированности изготовления бутероли из иного материала) элементом декора ножен. Согласно Д.С. Раевскому, данный мотив можно сопоставить с хтоническим образом свернувшегося змея, находящегося в корнях дерева [Раевский, 1985. С. 118-119]. И если принимать во внимание моделирующую символику меча, такая его символика полностью соответствует образу «мирового дерева». Но, по всей видимости, мотив свернувшегося зверя был семантически более многогранным, если учесть многообразный контекст его употребления (зеркала с центральной ручкой, крестовидные бляхи, конская узда и т.д.). И одним из возможных аспектов семантики является соотношение хищника «в утробной позе», по А.К. Акишеву [Акишев, 1984. С. 48], с одной стороны, с образом «золотого зародыша», известного

в мифологии ведической Индии и античной Греции [Топоров, 1982. С. 592; Лосев, 1996. С. 764-774], а с другой, – уроборуса, бытовавшего в различных традициях от древнего Египта до средневековой Европы [Нойманн, 1998. С. 19; Тарасенко, 2005]. Размещение изображения с такой символикой на ножнах меча, одного из главных видов оружия, несущего смерть, вполне соответствовало древней концепции смерти, согласно которой любая смерть, в том числе и на поле боя, воспринималась как смерть жертвенная, а значит смерть, несущая в себе зарождение, начало жизни [см. об этом применительно к скифской традиции: Раевский, 1985. С. 153-154, 226, прим. 29, 30; Шауб, 2007. С. 139].

Скифское клинковое оружие, находясь в центре воинской культуры, заключало в себе многогранную семантическую нагрузку, вероятно, уже в силу соотнесенности с одним из ключевых и важных персонажей мифологического пантеона – богом войны. По всей видимости, именно это определило разноуровневый характер символики и семантики меча, его многоплановость. В частности, это было выражено в появлении и бытовании еще одной концепции декорирования ножен, выраженной в оформлении бутероли в виде головы хищной птицы. Наиболее ранним образцом является находка в погр. 246 Тлийского мог-ка в Центрально-Кавказском регионе [Техов, 1980. Рис. 18, 2-3; 23, 6] (рис. 1, 17). Подобные бутероли также происходят из погр. 2 Репяховатой Могилы в лесостепном Поднепровье [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. Рис. 11, 5-7; 12, 2] (рис. 1, 15), Фирминиш в Трансильвании [Черненко, 1984. С. 59-60. Рис. 28], Пашковского городища № 5 в Прикубанье [Пьянков, 2005. Рис. 1] (рис. 1, 20), погр. 55 Владимировского мог-ка под Новороссийском [Шишлов, Федоренко, 2006. Рис. 4, 4] (рис. 1, 19) и мог-ков Кобанский, Фаскау, Верхний Аул, Нижне-Чегемский и др. на Кавказе [Крупнов, 1960. Табл. LXXV, 2-5; Виноградов, 1972. Рис. 28, 1; Вольная, 2002. Рис. 3; Мошинский, 2006. Рис. 8, 1] (рис. 1, 18). Еще на одном бронзовом наконечнике из Фаскау подтреугольная фигура свернувшегося хищника дополнена изображением головы хищной птицы [Мошинский, 2006. Рис. 8, 2] (рис. 1, 16). Сочетание образов хищных птицы и зверя встречено на бронзовом ажурном наконечнике V в. до н.э. из кургана у с. Сунжа (Кавказ) [Вольная, 2002. Рис. 4, 2] (рис. 2, 9). Еще на нескольких ажурных бронзовых бутеролях из Кавказского региона основным изображенным животным является хищник (находки у с. Шали и с. Советское) или олень (кург. 1 у с. Урус-Мартан), но их плечо, находящееся на конце бутероли, дополнено изображением хищной птицы [Виноградов, 1963. Рис. 7, 1; Смирнов, 1964. Рис. 81, 8,

10; Вольная, 1994. С. 194. Рис. 1-4] (рис. 2, 8, 11, 12). Серия птицеголовых наконечников происходит из региона распространения ананьинских культур. На них представлено либо только изображение хищной птицы (Котловский и, возможно, Ананьинский мог-ки в Прикамье), либо изображение птицы на конце изделия, дополнено фигурами хищников на его основной части (Скородумский клад в Прикамье, находка на р. Цильма и, возможно, на р. Ямал в бассейне Печеры [Васильев, 2004. Рис. 15, 1-5] (рис. 1, 21). И хотя кавказская серия птицеголовых бутеролов более многочисленна, приоритет в использовании и распространении этих изделий, вероятно, принадлежит кочевникам [Пьянков, 2005. С. 449; см. также: Вольная, 1994. С. 194]. Возможно, данный образ появляется в декоре ножен в контексте общей связи меча (кинжала) с богом войны, одним из символов которого и была хищная птица [Кузьмина, 1976. С. 55; Иванов, Топоров, 1982; Сулейманов, 2010. С. 198-199; Вертієнко, 2013. С. 37-38]. Именно такое предположение было высказано в связи с оформлением навершия рукояти меча в виде симметрично расположенных голов или когтистых лап хищных птиц [Алексеев, 1980. С. 44-45].

К концу VI – началу V вв. до н.э. [Алексеев, 2003. С. 296] относятся золотые ножны – из Шумейковского кургана (лесостепное Поднепровье) и Томаковской Острой Могилы (степное Поднепровье) – несколько иной, чем раннескифская, формы [Мелюкова, 1964. С. 62. Табл. 15, 6; Артамонов, 1966. Табл. 65-66; Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986. Pl. 66-67]. Они имеют устье, повторяющее форму перекрестия, более короткую среднюю часть и высокий наконечник, повторяющий форму клинка. Общая форма шумейковских ножен определяется формой клинка: сходящимися книзу, а в томаковских – параллельными сторонами и закруглением на конце. Устье шумейковских ножен украшают изображения двух горных козлов, воспроизведенных с подогнутыми ногами и повернутой назад головой, а томаковских – фигуры свернувшихся хищников. В средней части расположен столбик из изображений хищников, в одном случае (Шумейко) представленных 7 целыми фигурами в профиль, а во втором – 10 головами в анфас. Наконечники в верхней части украшены поясками геометрического орнамента, доминирующий элемент которого – треугольник (Шумейко) или каплевидная фигура (Томаковка), обращенные вершиной вниз. Боковые выступы, изготовленные, вероятно, из органического материала, в обоих случаях не сохранились.

Еще одна золотая обкладка ножен того же времени с устьем, соответствующим перекрестию, происходит из комплекса Феттерсфельде (Виташково) в Средней

Европе [Ginters, 1928. S. 17. Abb. 3, c; 5, b-c; Мелюкова, 1964. Табл. 19, 4] (рис. 2, 15). Они по форме близки к шумейковским ножнам, но имеют оригинальный декор. На крыльях устья изображены две миндалевидные фигуры, напоминающие глаза; в средней части в двух регистрах – сцены погони пантеры за кабаном и льва за оленем, за которыми размещаются фигуры рыб; клиновидный наконечник в верхней части украшен орнаментом, близким к томаковскому. На боковом выступе размещена фигура льва.

Из Меджидии в Добрудже происходит бронзовый votivный предмет в виде меча в ножнах, близких к томаковским [Мелюкова, 1964. С. 63. Рис. 1, 2]. Здесь на устье также изображены фигуры козлов с подогнутыми ногами и повернутой назад головой в скифо-фракийском стиле. Ножны с параллельными боковыми сторонами. Средняя и нижняя части не орнаментированы. На боковом выступе воспроизведена голова грифона.

В отношении данных ножен высказывались самые различные мнения по поводу центра их производства [Мелюкова, 1964. С. 62; Онайко, 1966. С. 20-21, 30-31; Манцевич, 1969. С. 111-113; Черненко, 1984. С. 59; Колтухов, 1999. С. 13, 19; др.]. В частности, несомненный античный характер имеет орнамент, украшавший верхнюю часть наконечников [см. его анализ: Манцевич, 1969. С. 110, 112].

Однако зооморфный декор, несомненно, имеет скифское происхождение. Если расположение фигур козлов на устье ножен из Шумейковского кургана и предмете из Меджидии находит аналогии в оформлении перекрестия ножен из Мельгуновского кургана (хотя там они размещены иначе и, вероятно, соответствуют иному смысловому контексту), то совершенно оригинальными являются фигуры свернувшихся хищников на устье томаковских ножен. С одной стороны, они перекликаются с фигурами хищников (львов) на бутеролях мельгуновских и келермесских ножен, воспроизведенных полусогнутыми. А с другой, хищники в подобной позе изображены на перекрестии меча из кургана Аржан 2 в Туве [Чугунов, 2004. С. 72-74; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010. Taf. 8-9]. Размещение хищников на перекрестии мечей и кинжалов имело широкое распространение во всем скифском мире от Минусинской котловины [Членова, 1967. Табл. 4, 10-11; 11, 8-11; Завитухина, 1983. Кат. 40; 198-204] и Тувы [Чугунов, 2011. С. 44. Рис. 7, 2; Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010. Taf. 61] до Средней Европы [Ginters, 1928. Taf. 20; Мелюкова, 1964. Рис. 1]. Однако в большинстве случаев это изображения хищников в иной позе – с прямыми или подогнутыми лапами и опущенной, реже прямо

поставленной головой. В рассматриваемом же случае особенным является то, что на перекрестии помещены фигуры именно свернувшихся хищников. Взаимосвязь аржанского и томаковского изделий, несмотря на их хронологическую и территориальную удаленность, на наш взгляд, можно объяснить в контексте разнообразных восточных влияний, проявившихся в причерноморском зверином стиле в середине – второй половине VI в. до н.э. [Полидович, 2010]. Отмеченную особенность еще более подтверждает железный кинжал с антенновидным навершием и округлым (почковидным) перекрестием, где изображена фигура свернувшегося хищника, происходящий из находок у с. Лесура в Болгарии [Николов, 1990. Обр. 1, в] (рис. 2, 5). Кроме того, некоторым аналогом томаковским ножам являются костяные ножны из погр. 10 мог-ка Усть-Иштовка-1 в Верхнем Приобье, в центральной части которых изображен столбик из 9 изображенных анфас морд хищников [Работы Алтайского университета, 1988. С. 204; Фролов, 2001. С. 100] (рис. 2, 2).

В этом же смысловом контексте, вероятно, следует рассматривать и изображения горных козлов с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Данная поза, как неоднократно отмечалось исследователями, была заимствована скифами на раннем этапе из искусства древневосточных цивилизаций, где так изображали копытных в композициях, связанных с «мировым деревом» [Вязьмитина, 1963. С. 163-164; Раевский, 1985. С. 114-115; др.]. Раннескифские изображения козлов в данной позе на келермесской секире и мельгуновском мече полностью соответствуют такой композиции [Раевский, 1985. С. 115]. Но с течением времени данная поза, возможно, начала приобретать значение утробной (изначального, первозданного зародыша), в то время как образ горного козла в целом ряде случаев начал приобретать черты коня [Ильинская, 1971. Рис. 8, 10, 14, 18]. Подтверждением тому могут служить ситуации, где в одном и том же контексте употребляются либо свернувшиеся хищники, либо копытные с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. Это изображения на кнопке центральной ручки зеркал и перекрестиях мечей. Если данное наблюдение справедливо, то, учитывая одно из символических значений свернувшегося зверя, можно предположить, что вся рассмотренная серия ножен мечей также в целом соответствовала фаллической символике.

В погребении первой половины V в. до н.э. в Золотом кургане близ г. Симферополя найдены остатки ножен (в основе кожаных) с лицевой стороны которых внизу была прикреплена золотая пластина со скругленным нижним концом

и загнутым краем, пришитым к основе [Колтухов, 1999. С. 13] (рис. 2, 14). Верхний край пластины украшен двумя рядами «веревочного» орнамента, под которыми располагалось пять каплевидных проволочных гнезд для эмали, под каждым из них был припаян шарик.

Кроме того, неорнаментированные золотые наконечники ножен найдены с однолезвийными мечами в кург. 478 у с. Златополь и в кург. у с. Ново-Николаевки, бронзовые литые наконечники с двулезвийными мечами в кург. Старшая Могила, кург. 5 у с. Рыжановка в лесостепном Поднепровье, железные наконечники – в одном из погребений Нестеровского мог-ка на Северном Кавказе и погр. 23 могильника у пос. Комсомольское в Нижнем Поволжье [Мелюкова, 1964. С. 62. Табл. 15, 8, 11; 19, 11; Дворниченко и др., 1997. Рис. 5, 1-2].

Преимущественно к V в. до н.э. относится серия небольших бутеролей, украшенных изображениями различных животных. Так, в погребении из разрушенного кургана у с. Приднепровка (степное Поднепровье) вместе с остатками меча найден ажурный оловянный наконечник ножен, на лицевой стороне которого изображены горный козел и лось, чьи фигуры размещены друг над другом [Мурзин, 1984. Рис. 16] (рис. 2, 12). Из находок у с. Советское и с. Шали (Кавказ) происходят бронзовые ажурные наконечники с изображением хищников [Смирнов, 1964. Рис. 81, 10; Вольная, 2002. С. 28. Рис. 4, 1, 3] (рис. 2, 8, 12). Бутероль, вероятно, похожая на шалинскую, хранится в Херсонском краеведческом музее [Манцевич, 1969. Рис. 14, 7]. У с. Сунжа (Кавказ) найдена бронзовая бутероль, в верхней части которой расположена фигура хищника, а в нижней – изогнутая фигура с головой хищной птицы [Вольная, 2002. С. 28. Рис. 4, 2] (рис. 2, 9). На бутероли из кург. 1 у с. Урус-Мартан (Кавказ) изображен олень с вывернутым туловищем [Крупнов, 1960. Табл. XI, 6; Вольная, 2002. Рис. 17, 4] (рис. 2, 11). Костяная бутероль с изображением головы животного (коня?) происходит из погр. в мог-ке близ г. Минеральные Воды [Крупнов, 1960. Рис. 21, 4; Виноградов, 1972. Рис. 13, 2]. А из Прикубанья и Северного Кавказа происходят наконечники ножен V в. до н.э. в виде головы хищника (волка): разрушенное погр. у ст. Старокорсунская [Аптекарев, 1986. С. 245-247. Рис. 2] (рис. 2, 6), из кург. 17 мог-ка Новозаведенное [Петренко и др., 2006. Рис. 7, 1] (рис. 2, 7), Белореченского мог-ка [Виноградов, 1972. Рис. 22, 6] (рис. 2, 10).

В комплексе конца VI – начала V в. до н.э. (дата по А.Ю. Алексееву: 525-500 гг. до н.э. [Алексеев, 2003. С. 296]) из погр. 1 кург. 6 у с. Александровка в степном Поднепровье [Ковалева, Мухопад, 1979. С. 12-14] найден меч в ножнах, от которых

сохранились высокий золотой наконечник, в верхней части украшенный вытянутыми каплевидными фигурами для эмалевых вставок, и боковой выступ в виде фигуры кабана (рис. 2, 16). Декор верхней части наконечника находит аналогии в таких же изделиях из Томаковской Острой Могилы и Золотого кургана. А вот боковой выступ в виде фигуры животного фактически является новшеством. Нам известны боковые выступы только на раннескифских ножнах, где в обоих случаях был изображен олень с подогнутыми ногами и чуть вытянутой вперед головой. Его фигура располагалась на довольно свободном поле выступа, который по краю обрамлялся «плетенкой» из голов хищных птиц. На боковом выступе ножен из Феттерсфельде фигура хищника также была расположена на относительно свободном пространстве. На александровских ножнах боковой выступ образован фигурой кабана. Подобный прием, когда фигура животного или сцена полностью заполняет выступ, характерен для ножен уже V – IV вв. до н.э. А образ кабана в виде его головы на боковом выступе воспроизведен также на ножнах из кург. 30 у с. Великая Белозерка [Отрощенко, 1984] и ножнах, принадлежащих одному из воинов, изображенных на гребне из кургана Солоха [Манцевич, 1987. С. 59; Алексеев, 2012. Фото на с. 138]. Сам же образ дикого кабана-вепря семантически тесно связан с мечом-кумиром скифского Ареса. Данное животное в иранской мифологии известно как одно из воплощений бога Веретрагны [Кузьмина, 1976. С. 55; Брагинский, 1982. С. 233; Вертієнко, 2013. С. 36-37], и появление его в декоре ножен меча было напрямую этим обусловлено [Бессонова, 1984. С. 8-10; Вертієнко, 2013а. С. 52-54].

В дальнейшем, в V – IV вв. до н.э. в Причерноморской Скифии появляются золотые обкладки ножен, оформленные уже по иным принципам и, скорее всего, имеющие иную семантическую нагрузку [Полидович, 2014].

Литература:

- Акишев, 1984: Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата.
- Алексеев, 1980: Алексеев А.Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. Вып. 21.
- Алексеев, 1991: Алексеев А.Ю. Этюд об акинаках // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.
- Алексеев, 2003: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV

веков до н.э. СПб.

Алексеев, 2011: Алексеев А.Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. СПб.

Алексеев, 2012: Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.

Аптекарев, 1986: Аптекарев А.З. Комплекс вещей V в. до н.э. из станицы Старокорсунской // СА. № 4.

Артамонов, 1961: Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып.2.

Артамонов, 1966: Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград.

Батчаев, 1985: Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик.

Березин, 2012: Березин Я.Б. Стечение обстоятельств или трагедия? (об одной любопытной детали погребального обряда) // МИА Северного Кавказа. Армавир.

Бессонова, 1983: Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К.

Бессонова, 1984: Бессонова С.С. О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. К.

Брагинский, 1982: Брагинский И. Веретрагна // Мифы народов мира. Т. 1. М.

Васильев, 2004: Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. СПб. № 11.

Вертієнко, 2013: Вертієнко Г.В. Священні втілення Веретрагни в Яшті 14 // PolyPhonia orientis. До ювілею В.С. Рибалкіна. К.

Вертієнко, 2013а: Вертієнко Г.В. Скіфська клинкова зброя та авестійське karəta- // Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки". К.

Виноградов. 1963: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.

Виноградов. 1972: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.). Грозный.

Виноградов. 1974 Виноградов В.Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. № 4.

Вольная, 1994: Вольная Г.Н. К характеристике одного типа северокавказских

бронзовых зооморфных наконечников ножен середины I тыс. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в.н.э. Тирасполь.

Вольная,2002: Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ.

Вязьмитина.1963: Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. № 2.

Галанина,1977: Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н.Е.Бранденбурга) // САИ. Вып. Д1-33.

Галанина,1989: Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Келермеса (детали портупей парадного меча) // СА. № 4.

Галанина, 1977: Галанина Л.К. Келермесские курганы. “Царские” погребения раннескифской эпохи. М.

Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева,1997: Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. № 3.

Завитухина,1983: Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.

Иванов, Топоров,1982: Иванов В.В., Топоров В.Н. Орел // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Іллінська,1951: Іллінська В.А. Курган Старша Могила – пам’ятка архаїчної Скіфії // Археологія. К. Т. 5.

Ильинская,1971: Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2.

Ильинская, Мозолевский, Тереножкин,1980: Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. К.

Кисель,2003: Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.

Ковалева, Мухопад,1979: Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е. Скифские памятники Самаро-Орельского междуречья // Курганные древности степного Поднепровья III – I тысячелетия до н.э. Днепропетровск.

Колтухов,1999: Колтухов С.Г. «Золотой» Симферопольский курган // Херсонесский сборник. Севастополь. Вып. X.

Крупнов,1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.

Кубарев,1981: Кубарев В.Д. Кинжалы Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Кузьмина,1976: Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Литвинский,1972: Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. М.

Литвинский,1981: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. №3.

Лосев,1996: Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.

Лотман,1970: Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.

Манцевич,1969: Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье (МИА, № 150). М.

Манцевич,1987: Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.

Мачинский,1978: Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л.

Мелюкова,1964: Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. М.

Мошинский,2006: Мошинский А.П. Древности Горной Дигории VII – IV вв. до н.э. М.

Николов,1990: Николов Б. Тракийски находки от Северозападна България // Археология. София. Кн. 4.

Нойманн,1998: Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А.П. Хомик. М.

Онайко,1966: Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э.// САИ. Вып. Д1-27.

Отрощенко,1984: Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. К.

Переводчикова,1983: Переводчикова Е.В. О сюжетах изображений на бутеролях акинаков ахеменидского времени // ВДИ. № 3.

Петренко, Маслов, Канторович, 2006: Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи. (МИАР. Т. 7). М.

Пиотровский,1954: Пиотровский Б.Б. Скифы и древний Восток // СА. Вып. XIX.

- Пиотровский,1959: Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М.
- Пиотровский,1962: Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту VIII-VI вв. до н.э. Л.
- Пиотровский,1970: Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Л.
- Пирс, 2009: Пирс Ч.С. Что такое знак? // Вестник Томского Государственного Университета. Философия. Социология. Политология. № 3(7).
- Погребова,1984: Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Полидович,1993: Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк. № 2.
- Полидович,2010: Полидович Ю.Б. Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб.
- Полидович,2014: Полидович Ю.Б. Структура и символика декора ножен скифских мечей V – IV вв. до н.э. // Музейні читання. Матеріали наукової конференції "Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки". К., 2014 (в печати).
- Придик,1911: Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. // Материалы по археологии России. М. № 31.
- Пшеничнюк,2012: Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа.
- Пьянков,2005: Пьянков А.В. Бронзовый зооморфный наконечник ножен акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М.
- Работы Алтайского университета / Абулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л., Кунгурова И.Ю., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., Талантова С.Н., Тарасенко Т.А., Шамшин А.Б., Шульга П.И. // Археологические открытия 1986 г. М., 1988.
- Раевский,1983: Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в Древности. М.
- Раевский,1985: Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М.
- Савченко, 2004: Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потунданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001-

2003 гг. М.

Смирнов, 1964: Смирнов К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Ставицька, 2008: Ставицька Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізми, евфемізми, сексуалізми. К.

Степанов, 1971: Степанов Ю.С. Семиотика. М.

Сулейманов, 2010: Сулейманов Р. О Веретрагне // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сб. статей в честь Поля Бернара. Самарканд.

Тарасенко, 2005: Тарасенко Н. Древнеегипетский уроборус – семантика образа // Університет. К. № 4.

Тереножкин, 1976: Тереножкин А.И. Киммерийцы. К., 1976.

Техов, 1980: Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. М.

Техов, 2002: Техов Б. Тайны древних погребений. Владикавказ.

Топоров, 1982: Топоров В.Н. Хирьягабха // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Фролов, 2001: Фролов Я.В. Интерпретация изображений на двух костяных пластинах из погребений раннего железного века Верхнего Приобья // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул.

Хазанов, 1971: Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.

Черненко, 1980: Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ. К.

Черненко, 1984: Черненко Е.В. Скифо-персидская война. К., 1984.

Членова, 1967: Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Чугунов, 1996: Чугунов К.В. Погребальный комплекс с кенотомом из Тувы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.

Чугунов, 2004: Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан 2 // Сообщения Государственного Эрмитажа LXII. СПб.

Чугунов, 2011: Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб.

Шауб, 2007: Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб.

Шелехань, 2013: Шелехань О.В. До питання про форму перехрестя клинкової зброї скіфського часу // Археологія. № 4.

Шишлов, Федоренко, 2006: Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен северо-западного побережья Кавказа в конце VII – V вв. до н.э. (по материалам Владимировского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 2.

Шкурко,1969: Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Лесостепной Скифии // СА. № 1.

Barnett,1962: Barnett. R.D. Median Art // Iranica Antiqua. Vol. III.

Čugunov, Parzinger, Nagler,2010: Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz. (Archäologie in Eurasien. Band 26).

Ghirshman,1950: Ghirshman R. Le Tresor de Sakkez, les origines de l'art mede et les bronzes du Luristan. Notes iranniens. VI // Atribus Asiae. Vol. XIII, 3.

Ginters.1928: Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin.

Godard,1962: Godard A. L'Art de L'Iran. Paris, 1962.

Piotrovsky, Galanina, Grach,1986: Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986.

Schmidt,1953: Schmidt E.F. Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions // Oriental Institute Publications. Chicago, 1953. Vol. 68.

Рис. 1. 1 – кург. 1/Ш, Келермесский мог-к (Прикубанье); 2 – Литой (Мельгуновский) курган (среднее Поднепровье); 3 – Зивие (Северо-Западный Иран); 4 – 6 – погр. 164, 216, 258, Тлийский мог-к (Кавказ); 7 – кург. 21 у с. Нартан (Кавказ); 8 – кург. у с. Дарьевка (лесостепное Поднепровье); 9 – кург. 453 у с. Макеевка (лесостепное Поднепровье); 10 – коллекция Гос. Эрмитажа (Иран); 11 – городище Кармир-Блур (Тейшебаини); 13 – деталь рельефа, Персеполь; 12 – Старшая Могила (лесостепное Поднепровье); 14 – кург. у х. Степной у г. Гудермес (Кавказ); 15 – погр. 2, Репяховатая Могила (лесостепное Поднепровье); 16, 18 – мог-к Фаскау (Кавказ); 17 – погр. 246, Тлийский мог-к (Кавказ); 19 – погр. 55, Владимировский мог-к (р-н Новороссийска); 20 – Пашковское городище № 5 (Прикубанье); 21 – Котловский мог-к (Прикубанье).

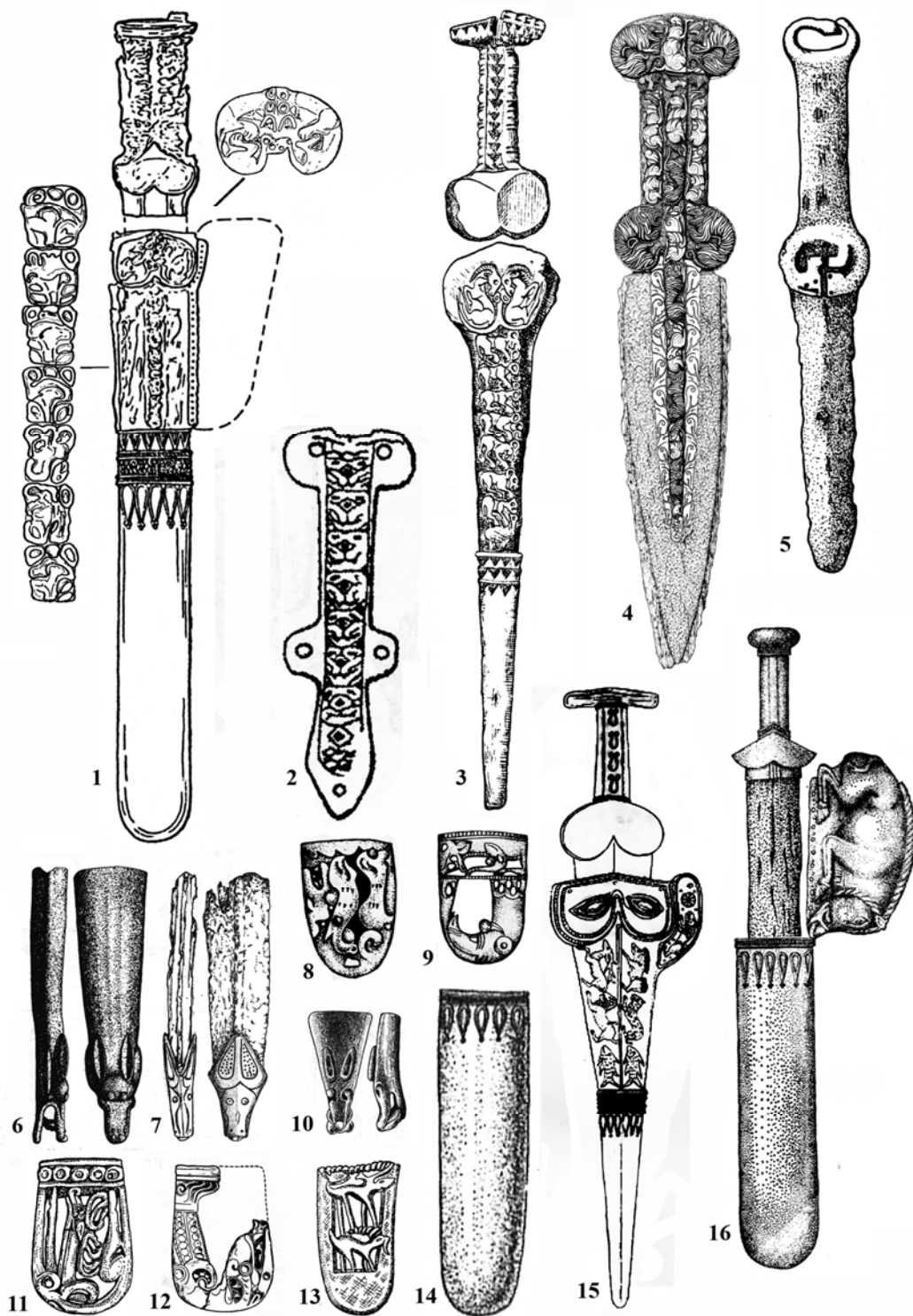

Рис. 2. 1 – Томаковская Острая Могила (степное Поднепровье); 2 – погр. 10, мог-к Усть-Иштовка-1 (Верхнее Приобье); 3 – Шумейковский кург. (лесостепное Поднепровье); 4 – кург. Аржан 2 (Тува); 5 – с. Лесура (Болгария); 6 – разрушенное погр. у ст. Старокорсунская (Прикубанье); 7 – кург. 17, мог-к Новозаведенное (Северный Кавказ); 8 – с. Шали (Кавказ); 9 – кург. у с. Сунжа (Кавказ); 10 – Белореченский мог-к (Кавказ); 11 – кург. 1 у с. Урус-Мартан (Кавказ); 12 – с. Советское (Кавказ); 13 – кург. у с. Приднепровка (степное Поднепровье); 14 – Золотой курган (Крым); 15 – Феттерсфельде / Виташково (Средняя Европа); 16 – погр. 1 кург. 6 у с. Александровка (степное Поднепровье).